

М. А. Давлет

БОЛЬШАЯ
БОЯРСКАЯ
ПИСАНИЦА

M. Davlet

Rock Engravings
in the Middle
Yemisei Basin

Бассейн Среднего Енисея — одна из наиболее интересных в археологическом отношении областей нашей страны. Среди огромного разнообразия и богатства памятников древности особое место занимают наскальные рисунки, известные в Сибири под названием писаницы. Выбитые на гладкой поверхности скал, среди которых проложила своё русло великая сибирская река Енисей, на выходах породы девонского песчаника в прибрежных горах, писаницы — один из важнейших исторических источников. Они отражают те стороны хозяйства, быта, мировоззрения древних людей, о которых в ряде случаев нельзя получить представление по другим источникам. Это — живописный рассказ прошлых поколений о самих себе. В то же время наскальные рисунки являются яркими образцами изобразительного искусства прошлого, своеобразной энциклопедией искусства от глубокой древности до средневековья. Среди серий петроглифов, происходящих из различных регионов, повторяются определенные сюжеты. В Южной Скандинавии — это сцены морских походов, сражений, угона скота, похорон в ледяных пещерах. В Испании — это рисунки кинжалов. Во Франции на дольменах изображены топоры, ступни ног, каракатицы. На альпийских петроглифах — картины вспашки поля плугом и т.д. Для сибирских писаниц наиболее характерны изображения диких животных, сцены охоты, сражений, шаманского культа.

В бассейне Среднего Енисея наивысший расцвет наскального искусства приходится на тагарскую эпоху (VII-III вв. до н.э.). В этот период на огромных пространствах степей и предгорий Евразии, занятых скотоводческими и скотоводческо-земледельческими племенами, сложилась особая общность материальной и духовной культуры. Население областей, отделённых друг от друга тысячами километров, пользовалось сходным оружием и украшениями, применяло аналогичный конский убор, передавая достижения своей культуры соседним племенам и в свою очередь заимствуя у них. Искусство того времени на огромной территории имело много общего. Его главной особенностью было изображение животных в определённой позе со своеобразной трактовкой деталей, что послужило поводом к возникновению термина «скифо-сибирский звериный стиль».

Примитивно-реалистичные или стилизованные схематические тагарские бронзовые изображения животных, монументальные или полные экспрессии, неповторимы по самобытности, красочности и мастерству исполнения. Среди них — изображения оленя, отдыхающего, положив голову на спину, или же стремительно несущегося в «летучем галопе»; хищников, свернувшихся в клубок, готовящихся к прыжку или борющихся в смертельной схватке. Некоторые сюжеты и образы тагарской бронзы нашли отражение и в наскальном искусстве I тысячелетия до н.э.

Среди наскальных рисунков бассейна Среднего Енисея особое место занимают Боярские писаницы. Представляя картины жизни древних посёлков, они отличаются по сюжету от рисунков в других районах Сибири (табл. I-X). Название своё писаницы получили по горному хребту Бояры, на склонах которого выбили их древние художники. Боярский хребет протяжённостью около 12 км, сложенный из пластов девонского песчаника, проходит вдоль среднего течения притока Енисея — речки Сухая Тесь, по правой её стороне. Берега быстрой речки с прозрачной студёной водой поросли обильными травами. Луга создавали благоприятные условия для пребывания здесь скотоводческих и земледельческих племён с глубокой древности. О кипевшей когда-то в долине р. Сухая Тесь жизни свидетельствуют многочисленные памятники: курганные могильники тагарской эпохи, находящийся поблизости знаменитый Копёнский чаатас, каменные бабы, древние оросительные каналы, остатки поселений, рисунки на скалах. Малая писаница находится в 6 км от с. Троицкое, в верхнем лого хребта Бояры, справа от дороги, ведущей в дер. Копёны. Большая писаница расположена приблизительно в 400 м от Малой, выше по седловине. Она высечена на отвесной грани скалы, опоясывающей вершину травянистой сопки, круто поднимающейся над седловиной. В западной части выходы коренной породы девонского песчаника образуют причудливые навесы и пещерки. Обращённая на юг часть скального пояса представляет естественный фриз, который древние художники покрыли рисунками на пространстве длиной 9,8 м и шириной 1,5 м.

Боярские писаницы были открыты известным сибирским археологом А. В. Адриановым в 1904 г., когда он приступил к изучению петроглифов Минусинского уезда по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Неумолимый исследователь А. В. Адрианов нашёл и описал множество наскальных рисунков, в том числе писаницы Боярского хребта, и снял с них копии. Малую писаницу он сфотографировал и сделал эстампаж, впоследствии опубликованный М. П. Грязновым. Зафиксировать Большую писаницу А. В. Адрианову не удалось. «Мы не делали попытки, — писал он, — эстампировать или даже зарисовать эту писаницу, требовавшую предварительной очистки и продолжительной остановки, а последняя была невозможна ввиду отсутствия у нас необходимого снаряжения вдали от воды и человеческого жилья и ввиду крайне дурного состояния погоды: холод, ветер, моросивший дождь, выпавший на отдаленных горах снег указывали, что эту работу нужно отложить на лето. Поэтому мы решили использовать время нашего пребывания в Боярах лишь для беглой рекогносцировки».

Летом 1962 г. шестеро студентов, членов Студенческого научного общества Московского Высшего художественно-промышленного училища, произвели эстампирование и фотографирование наскальных изображений на хребте Бояры. Рисунки Большой Боярской писаницы, представленные участниками студенческой экспедиции, при проверке оказались неточными, так что мне потребовалось вновь скопировать их. При прорисовке с эстампажа мной были сознательно опущены два сомнительных, неясных места в правой части писаницы, где почти невозможно отличить искусственно выбитые линии и силуэты от естественных углублений.

Поверхность Большой Боярской писаницы испещрена шрамами, царапинами, выбоинами, прорезана глубокими трещинами, часть которых, как видно, существовала ещё до того, как первобытные художники нанесли на скалу свои рисунки.

Время сгладило изображения, местами они густо поросли лишайником. Кроме того, Большая Боярская писаница невыгодно освещена. Обращённая на юг, она чётко просматривается лишь вечером и особенно ясно ранним утром. Когда косые лучи восходящего солнца скользят по шероховатой выветренной поверхности скалы, изображения проясняются. Постепенно становясь всё отчетливее, рисунки как бы оживают в сознании зачарованного зрителя, перед которым возникают посёлок древних жителей Среднего Енисея, их жилища, скот, домашняя утварь, оружие, а также и сами творцы наскальных изображений. Вот внизу три всадника на лошадях и один на олене гонят оленье стадо к бревенчатым домам, обращённым к зрителю фронтонной частью со входом. В центре среднего яруса изображений — главная группа жилищ: большие рубленые избы с покатыми крышами и конические постройки, напоминающие юрты. Около жилищ — котлы и животные: бараны с мощными круто закрученными рогами, козлы с бородами и длинными

рогами, загнутыми назад. Слева на значительном расстоянии человек в своеобразном головном уборе гонит к домам длинноногий крупный рогатый скот. Наверху опять-таки дома, а между ними котлы, крупный рогатый скот, бараны, лошади, одна из которых осёдлана. Всадник в одной руке держит повод, а в другой, видимо, нагайку. Поблизости человек в остроконечном головном уборе с натянутым сложным луком в одной руке и посохом (?) в другой, у его ног — собака. Около построек — люди в молитвенной позе, с воздетыми к небу руками.

Лишь каких-нибудь 20-30 минут изображения видны отчётливо. Солнце поднимается выше, рисунки тускнеют и постепенно исчезают. В древности изображения были видны значительно лучше, они ещё не потемнели от времени и отчётливо выделялись светлыми пятнами на красно-буром фоне скалы. Скальные выходы для писаницы были выбраны древними художниками с таким расчётом, чтобы быть хорошо заметными издали. Монументальный фриз с изображениями на ровной грани скального пояса, охватывающего вершину крутой сопки, являл величественное зрелище, придавая этим местам неповторимое своеобразие.

Рисунки высекались в так называемой точечной технике, обычной для тагарской эпохи, путём нанесения многократных прямых или чуть наклонных ударов по обуху какого-то острого металлического орудия, оставлявшего на поверхности скалы углубления неправильной формы. В результате сотен и тысяч терпеливых ударов составлялись контурные и силуэтные изображения с выщербленной шероховатой поверхностью. Для значительных по размерам рисунков, таких как жилища, снимали поверхность девонского песчаника по всей площади изображения, при этом пространство между нанесенными обычным способом точечными углублениями, по-видимому, скоблилось. Большинство изображений и Большой и Малой писаниц сделано силуэтом, некоторые — контуром. В ряде случаев рисунки детализированы, имеется внутренняя проработка поверхности: например, у жилищ и котлов внутриконтурное пространство заполнено рядом деталей.

Рисунки животных, изображённых в профиль, обнаруживают глубокую наблюдательность исполнителей и хорошее знание индивидуальных особенностей. При повторяемости рисунков нельзя найти тождественные фигуры. Изображения животных динамичны, полны экспрессии, большинство их движется слева направо. Антропоморфные фигуры изображались в фас. Рисунки различаются по мастерству исполнения. Значительное число фигур крайне условно, лаконично, почти превращено в схему.

Рисунки писаницы дают образы, не изолированные друг от друга, а связанные сюжетной линией, и составляют единые сложные по замыслу композиции. Большую Боярскую писаницу характеризует ритм чётких поясов, что обусловлено слоистостью породы девонского песчаника. В каждом поясе ощущается «земля». Между ярусами Большой писаницы имеется внутренняя связь, кроме того, внутри них рисунки комбинируются в сюжетные сцены, объединённые определённым содержанием. Пропорции в основном соблюдаются в пределах каждого яруса. Не исключено, что здесь имеются зачатки перспективы: изображения, которые следует представлять себе стоящими далее других, нарисованы выше. Из общей композиции стилистически выпадает только правая группа изображений среднего пояса. Здесь отсутствует повествовательный сюжет, хотя изображены человеческие фигуры и реальные предметы. Рисунки беспорядочно перекрывают друг друга, масштаб и пропорции не соблюдаются, это какие-то символы, знаки людей и предметов.

Изображения как Большой, так и Малой писаниц были высечены по единому замыслу приблизительно одновременно, в одну и ту же историческую эпоху, в определённый непродолжительный отрезок времени: они чрезвычайно близки по технике, стилистическим особенностям, сюжету, композиции, хотя сюжетно-смысловая сторона гораздо богаче представлена на Большой, чем на Малой.

Встаёт вопрос о последовательности создания писаниц. Мне представляется очевидным, что создание Малой писаницы предшествовало созданию Большой, хотя хронологический разрыв между ними не был велик. Малая писаница выбита на великолепном гладком, естественно образованном фризе. Ещё А. В. Адрианов обращал внимание на то обстоятельство, что художники древности для изготовления писаниц выбирали наиболее плотные и прочные породы, лучшие по качеству и доступности участки утёсов. Для Большой писаницы подобного гладкого фриза в этой местности не нашлось. Но с лощинами Боярского хребта, как видно, к тому времени уже были связаны какие-то культовые традиции. Поэтому именно здесь, несмотря на отсутствие подходящей плоскости, на скале, уже в древности испещрённой трещинами, с неровной, уступчатой, выщербленной поверхностью, была выбита другая писаница, большая по размерам.

Установление абсолютной хронологии наскальных изображений, как известно, составляет наиболее сложную задачу их изучения. При разработке проблемы датирования петроглифов обычно анализируют сюжет, художественные особенности, исследуют технические приёмы нанесения рисунков на скалы. Решающее значение при этом имеет соответствие наскальных рисунков одновременным надёжно датированным предметам, найденным при раскопках. Опорными пунктами для датировки Большой Боярской писаницы я считаю рисунки котлов, сложного лука, лежащих баранов. Кроме того, я принимаю в расчёт конструкцию жилищ, изображённых на писанице.

Изображения бронзовых котлов дают широкие рамки для хронологического определения писаницы, в их пределах мы должны попытаться уточнить датировку (табл. XI, XII, XIV). Бронзовые котлы, получившие общее название «скифских», были широко распространены в древности на степных и прилегающих к ним лесостепных территориях европейской части СССР, Казахстана, Сибири, вплоть до Забайкалья. Котлы сибирского типа характеризуются полукруглыми ручками, вертикально поставленными на верхнем обрезе края, с одним или тремя гвоздевидными отростками в верхней части, а также орнаментом на стенках в виде двойного или тройного выпуклого горизонтального шнура. Именно такие классические котлы сибирского типа изображены на Большой Боярской писанице. Наибольшее количество бронзовых котлов в Сибири найдено на Среднем Енисее, в одном только Минусинском музее их насчитывается несколько десятков — от больших и массивных до крошечных, миниатюрных. Бронзовые котлы, за исключением некоторых маленьких и миниатюрных подвесок, происходят из случайных находок, так как они были, видимо, ритуальными сосудами, принадлежавшими всему роду, и поэтому в могилы не ставились. Отсутствие бронзовых котлов в погребальных комплексах на территории Сибири весьма затрудняет хронологическое определение периода их распространения. Архаический тип собственно скифских котлов датируется VII-VI вв. до н.э., классический — V-IV вв. до н.э. Впервые в

погребальном комплексе настоящей маленький бронзовый котелок с тремя шишечками на ручках и рельефными тягами на тулове был найден в таштыкской грунтовой могиле урочища Салбык. На данном этапе исследования вопрос о происхождении бронзовых котлов сибирского типа, так же как и об их датировке, остаётся открытым. Надо полагать, что некоторые бронзовые котлы использовались длительный период в силу традиции, благодаря прочности и бережному обращению с ними как с предметами культа. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что в первых веках до н.э. котлы были известны тагарским племенам, ибо среди погребального инвентаря того периода встречаются их глиняные копии. Взаимовлияние керамических и бронзовых форм доказано на конкретном материале. Причём установившиеся новые формы бронзовых сосудов в свою очередь оказывали влияние на производство глиняных горшков. Одновременность существования бронзовых и керамических котлов подтверждается находками в погребениях гуннского времени Тувы точных керамических копий бронзовых котлов гуннского типа, а также тождественностью форм одновременных керамических и сделанных из металла котлов из Средней Азии. Наибольшее сходство с рисунками па Большой Боярской писанице имеет керамический котловидный сосуд из Большого Тесинского кургана, раскопанного финской археологической экспедицией под руководством И. Р. Аспелина в 1889 г. и датированного II — первой половиной I в. до н.э.

Большое значение для хронологического определения писаницы имеет сложный лук, изображённый с наложенной на него, приготовленной к спуску стрелой. О существовании у тагарских племён сложного лука можно судить лишь по косвенным данным. В собственно Скифии он появился, очевидно, в VIII в. до н.э., но достоверно сложный лук известен с VI в. до н.э., когда его изображения помещают на изделия из металла: на кульбском и воронежском сосудах, на многочисленных блюдах из богатых скифских курганов. Доказательством того, что у тагарского населения был распространён сложный лук скифского типа, служат бронзовые наконечники стрел близких к скифским форм и размеров, хотя до сих пор никаких остатков сложного лука не было найдено при раскопках. Кроме того, среди случайных находок тагарского времени из Хакасско-Минусинской котловины есть несколько миниатюрных сложных луков, один из которых помещён в горит. Однако величина сложного лука, изображенного на Большой Боярской писанице, говорит о том, что это лук не скифского типа, так как одной из отличительных особенностей последнего принято считать его малые размеры: 1/3-1/4 человеческого роста. Отмечалось, что луки скифской формы, изображённые в росписи греческих ваз, имеют разную длину — от 1/5 до более половины роста человека. Эти колебания в размерах могли относиться и к самим скифским лукам. Тем не менее, на писанице относительный размер лука по сравнению с фигурой человека настолько велик, что не позволяет отнести лук к скифскому типу. Смена малого лука большим происходит в конце I тысячелетия до н.э., когда его величина приближается к размерам бытовавших у сибирских народов в прошлом веке длинных сложных луков.

Для уточнения датировки Большой Боярской писаницы важны изображения «летающих» баранов, чрезвычайно напоминающие бронзовые блюда из района Ордоса (табл. XV). Характерные для тагарской эпохи изображения благородного оленя в позе «летучего галопа», известные с V до III-II вв. до н.э., позднее сменяются изображениями других животных: лошадей, коз, а также баранов. В раннетагартыкских склепах изыхского этапа (середина I в. до н.э. — начало I в. н.э.) найдены небольшие деревянные статуэтки лежащего барана с круто изогнутыми рогами. Во II-I вв. до н.э. изображения баранов были широко распространены: в степях Ордоса — это бронзовые статуэтки и рельефные блюда, в Сарматии — объёмные украшения золотых фибул.

И, наконец, с датировкой Большой Боярской писаницы концом I тысячелетия до н.э. согласуются данные о жилищах (табл. IV). На писанице изображены как бревенчатые рубленые дома, так и жилища типа юрт. Обычно принято считать, что погребальные сооружения — «дома мёртвых» — имитируют жилища живых. Для первых двух стадий тагарской эпохи характерны погребальные камеры в виде сруба, и лишь на тагарско-таштыкском переходном этапе наряду со срубом появляется погребальное сооружение, напоминающее юрту. Описывая покрытие склепа Большого Уйбатского кургана, датированного первыми веками до н.э., Д. А. Клеменц замечает: «Если вы знакомы с устройством жилищ кочевников, то для вас достаточно сказать, что берёста образовала что-то вроде сводчатой крыши юрты».

Наиболее вероятное время создания Большой Боярской писаницы — третья стадия тагарской культуры, т.е. тагарско-таштыкский переходный этап (II в. до н.э. — первая половина I в. до н.э.).

Боярские писаницы имеют исключительное значение для реконструкции быта и образа жизни позднетагарского населения. Сюжет Большой Боярской писаницы тесно связан с хозяйственной деятельностью древних обитателей бассейна Среднего Енисея, для которых скотоводство было основой благосостояния. Первобытные художники высекали на Большой Боярской писанице изображения именно тех животных, которые интересовали их в хозяйственном отношении. Среди них коровы, як, длинноногий крупный рогатый скот типа тура, лошади, северные олени, а также мелкий рогатый скот. Изображения животных на Большой Боярской писанице значительно обогащают наши представления о составе тагарского стада.

Главное место на Большой Боярской писанице наряду с рисунками животных занимают изображения построек двух типов: бревенчатые избы и жилища, напоминающие юрты. До нас не дошёл ни один из древнейших памятников деревянного строительства вследствие относительной недолговечности дерева, поэтому изображения Боярского хребта являются единственным источником сведений о жилищах тагарской эпохи. Только в результате опыта населения, длительное время жившего в бревенчатых домах, когда основные конструктивные приёмы передавались преемственно от поколения к поколению в течение веков, строительная техника могла достичь столь высокого уровня развития, какой мы наблюдаем при возведении срубов погребальных камер больших тагарских курганов.

На постройку домов, очевидно, как и при строительстве срубов, укреплявших стены тагарских могил, шла лиственница благодаря смолистости, плотности древесины, хорошей сопротивляемости гниению, прямизне. Для консервации широко применялась берёста. О давнишнем опыте в использовании тагарским населением берёсты свидетельствуют многочисленные случаи её применения при возведении погребальных сооружений. Так, куполообразные своды над склепами Уйбатского (раскопки Д. А. Клеменца) и Большого Тесинского (раскопки И. Р. Аспелина) курганов были покрыты берестой в несколько слоёв. В Большом Салбыкском кургане (раскопки С. В. Киселёва) сооружение в виде усечённой пирамиды, находившееся над погребальной камерой, сверху было укрыто по склонам берестой до 15 слоёв, кроме того, каждое из верхних брёвен пирамиды оказалось завернутым в прошитую берёсту.

Основной формой конструкции в деревянном строительстве был сруб, сложенный из горизонтальных рядов брёвен, связанных в углах врубками с небольшими концами («в обло») или без концов («в лапу»). Горизонтальные бороздки на фасадах домов означают брёвна срубов, сложенных в восемь — десять венцов. Судя по изображённым рядом с жилищами фигурам людей, срубы несколько превышали рост человека. Бревенчатые избы отличаются друг от друга как по размерам, так и по конструктивным особенностям, в частности по конструкции кровли. Наиболее распространена была, по-видимому, так называемая самцовая крыша, сконструированная на слегах, врубленных в отдельные брёвна фронтонов. Для этой формы крыши при постройке избы поверх потолка кладут ещё один венец из брёвен, которым и заканчиваются боковые стены; передняя же и задняя стены возводятся в виде треугольника вплоть до верха будущей крыши, причем брёвна, «самцы», постепенно рубятся короче и короче. Характерно, что у бревенчатых домов концы фасадных стропил, выступающие вверх, перекрещиваются, образуя развилки в виде раздвинутых ножек циркуля, как у жилищ некоторых современных сибирских народов или у избышек на могилах сагайцев.

Своеобразной особенностью большинства бревенчатых домов, изображённых на Большой Боярской писанице, являются две, как и на Малой, или три загибающиеся кверху полосы в месте стыка верхнего венца сруба и настила кровли. М. П. Грязнов полагал, что это «концы горизонтальных брёвен, сдерживающих жерди или колья, на которых брёвна лежат». Скорее всего здесь изображены загибы нижних концов фасадных стропил, образованные естественным разветвлением корня дерева. Подобное, хотя и не тождественное, устройство крыш бревенчатых домов встречается у ряда современных народов Сибири. В русском деревянном зодчестве такие брёвна с оставленными корневищами называются «курицами».

На Большой Боярской писанице есть также дом, конструкция кровли которого отличается от описанных выше и совпадает с крышами на Малой писанице. Реконструкция изображённого на Малой Боярской писанице бревенчатого дома с четырёхскатной крышей приведена в статье М. П. Грязнова, сравнивавшего эту постройку с современными жилищами тубалар на Северном Алтае. По мнению В. Г. Карцова, конические кровли бревенчатых домов Малой писаницы очень напоминают конические корьевые покрытия хакасских жилищ, на которых кора укрепляется лежащими поверх неё жердями, сходящимися концами к вершине кровли.

Другой основной тип сооружений, изображённых на Большой Боярской писанице, — жилища типа юрт. Их, как и бревенчатые избы, завершают циркульные развилки. Можно предложить следующую их реконструкцию по аналогии с берестяной юртой хакасов: две основные жерди, наклонно воткнутые в землю, скреплялись в месте пересечения, сюда же сходились верхние концы наклонных жердей крыш? Остов и крышу юрты покрывали берёстой, которую придавливали досками. Весьма близкое по конструкции современное жилище — берестяная юрта сагайцев. Впоследствии высокая техника деревянного строительства тагарского населения была частично утрачена. Исконным хакасским жилищем стала юрта. В юртах хакасы жили в XIII–XIV вв., в юртах они продолжали жить и в XVIII в. Распространённым жилищем берестяные и войлочные юрты продолжали оставаться и в XIX в.

Таким образом, специфика хозяйства тагарских племён привела к возникновению сезонных жилищ: зимних срубных и летних каркасных.

Изображение на Большой Боярской писанице требующих сезонных перекочёвок стад оленей, а также зимних и летних жилищ, свойственных народам, ведущим отгонное или полукочевое хозяйство, позволяет сделать некоторые выводы относительно образа жизни позднеатагарских племён. В связи с ограниченностью пастбищ в речных долинах и местах расположения неподвижных зимников древним скотоводам приходилось перегонять стада летом на горные луга. Таким образом они сохраняли корм для скота на зимний период, когда ветер обнажал на отрогах травянистую растительность, что создавало возможность содержания скота на подножном корму круглый год. «Как в настоящее время сойотом, особенно некоторых хошунов, управляет стадо оленей или лошадей: куда оно пойдёт, туда должен трогаться с места и он! — так же несомненно жили в очень недавнем прошлом и минусинские инородцы». — писал этнограф Е. К. Яковлев на рубеже XX в. Характеризуя образ жизни хакасов в первой половине XIX в., И. Корнилов писал: «Не мешает заметить, что кочевые инородцы перегоняют стада и табуны непременно два раза, а иногда три и четыре раза в течение года, для лета пастбища избираются в горных и прохладных долинах при берегах рек и озёр; на зиму стада угоняются на места открытые, где ветер, дующий из горных падей, сносит снег и где скотина может, по малоснежью, всю зиму добывать подножный корм. Некоторые инородцы избирают сверх того для стад осенние и весенние пастбища. Перегоняя стада, хозяева вместе с ними перекочевывают с места на место, и так как пастбища по большей части постоянные, то многие инородцы устраивают на них постоянные юрты из брёвен или плетня (кошмовые или берестяные юрты переносятся с места на место), а потому есть улусы зимние и летние». Н. Ф. Катанов писал: «Минусинские татары около полугода (с сентября до конца года или половины апреля) живут на зимниках, где стоят их бревенчатые избы и прочные дворы для скота, а полгода (с марта или половины апреля до сентября) — на летниках, где, кроме бревенчатых, берестяных или войлочных юрт да дворов из жердей или плетня, ничего нет». Эти этнографические свидетельства позволяют составить некоторое, хотя и весьма отдаленное представление об образе жизни древних предшественников хакасов.

На Большой Боярской писанице имеются изображения людей в одежде и головных уборах. Одежда — типа малицы, или же короткий кафтан, опушенный мехом; головные уборы — островерхие или типа капюшонов, широко бытовавших в скифо-сарматское время у многих племён великого пояса степей. Наряду с реалистическими имеются схематические, условные антропоморфные фигуры, по большей части фаллические, подобные тем, которые встречаются в современной чукотской вышивке. Эти изображения, очевидно, имеют отношение к культуре.

Семантика наскальных изображений является предметом постоянных дискуссий. Каковы причины, побудившие первобытных художников обратиться к кропотливому и нелёгкому труду по созданию петроглифов, какой смысл и содержание вкладывали они в свои рисунки, — эти вопросы неизбежно встают перед исследователями древнего искусства. Нельзя не признать, что писаницы в значительной мере отражали реальный мир, окружавший их творцов и служивший питательной почвой их искусства. Однако, как ни заманчиво видеть в рисунках Большой Боярской писаницы изображения реального посёлка — так сказать, зеркальное отражение или зарисовку с натуры, — с подобным взглядом вряд ли можно согласиться. Расшифровать смысл рисунков, этих памятников духовной культуры первобытного человека помогают в какой-то мере этнографические параллели. Идеологические представления и обряды народов Сибири в

недавнем прошлом включали в себя осколки, остатки мировоззрения их древних предшественников.

Особый интерес для нас представляют сведения о сезонных праздниках и обрядах, связанных с магией плодородия людей и животных, культом производительных сил природы. В частности, у якутов было два годичных праздника «ысыаха» — весенний и осенний. Это были кумысные праздники, так как в центре внимания участников ритуала находились одна или две кумысные бадьи, служившие символами богатства, изобилия, процветания. Кумыс почитался якутами как напиток божественного происхождения, ниспосланный светлыми небесными богами, принесшими на землю кумысную закваску. Во время торжеств совершались возлияния кумыса богам, шаман давал испить кумыс стоящим перед ним на коленях участникам ритуала. На якутских кумысных праздниках устраивались конные состязания, традиционная борьба, ритуальные танцы. Сезонные якутские праздники наиболее полно донесли до нас элементы древнего культа, нашедшего отражение в изображениях Большой Боярской писаницы.

Нельзя настаивать на прямых параллелях между наскальными рисунками и данными этнографии. Все же есть основания полагать, что на Большой Боярской писанице представлен ирреальный, идеальный посёлок в момент традиционного календарного праздника. Древние художники, терпеливо выбивая на скале изображение посёлка, созданного их воображением, ставили себе целью обеспечить при помощи этих рисунков материальное благополучие, изобилие и процветание реального поселения.

Предметы прямоугольной формы с отростками в верхней части являются, как я полагаю, изображениями сосудов для кумыса: деревянных или глиняных бочонков, а возможно, кожаных фляг. Такие сосуды обнаружены при раскопках могильников рубежа нашей эры на Верхнем и Среднем Енисее, до недавнего времени они бытовали у хакасов и тувинцев (табл. XIII, XVI, XVII).

По-видимому, изображения этих предметов должны были символизировать и в какой-то мере обеспечивать богатство и материальное благополучие их владельцев.

На кумысном празднике якутов кумыс наливали в специальные ритуальные кубки-чороны. Возможно, такими кубками у древних жителей бассейна Среднего Енисея могли служить небольшие глиняные или бронзовые котелки. Котлы с гвоздевидными отростками в Южной Сибири встречаются разных размеров — от огромных, объёмом в несколько ведёр, до крошечных, миниатюрных. На писанице размеры котлов также различны. О назначении бронзовых котлов имеется свидетельство у Геродота, сообщавшего, что скифы варят в котлах мясо жертвенных животных, а кости подбрасывают в огонь. Сибирские наскальные рисунки, на которых изображались люди, варящие что-то в котлах, мешающие угли под ними, подбрасывающие топливо, являются прямой иллюстрацией к этому рассказу (табл. XIV). Видимо, в больших котлах готовили пищу для участников празднества, а из маленьких пили кумыс. Некоторые из нарисованных на скале котлов могли быть и глиняными, подобными обнаруженным при раскопках позднеагарских курганов.

Среди домов стоят люди с воздетыми к небу руками (табл. XVIII). Принято считать, что этот ритуальный жест означает молитву, обращённую к небу. Бронзовая миниатюрная фигурка человека в аналогичной позе имеется в числе случайных находок с правобережья Среднего Енисея.

В верхнем ярусе писаницы изображен человек, держащий в одной руке лук с тетивой, а в другой — посох (?). Можно полагать, что это шаман, а лук и посох — орудия его культового действия. Наскальные изображения и рисунки на оленных камнях свидетельствуют о специализации лука в Монголии и Сибири в скифскую эпоху, об одновременном существовании луков различных типов: большого простого, который использовался главным образом на охоте, и сложного лука скифского типа, применявшегося в военных целях. Если принять, что сложный лук употреблялся в военных целях, то непонятно его изображение на рисунке, где показан мирный посёлок. Однако возможно, что лук присутствует здесь в качестве орудия культового действия, так как до появления шаманского бубна у алтайцев лук и стрела выполняли роль магического культового орудия, камлание с луком производили все северные алтайцы до недавнего времени. О том, что древние предшественники хакасов также шаманили с сложным луком, свидетельствуют наскальные рисунки Хакасско-Минусинской котловины. Хакасы приписывали луку магические свойства ещё в XIX в., когда модель лука, завернутую в тряпочку, клали в люльку новорожденного мальчика.

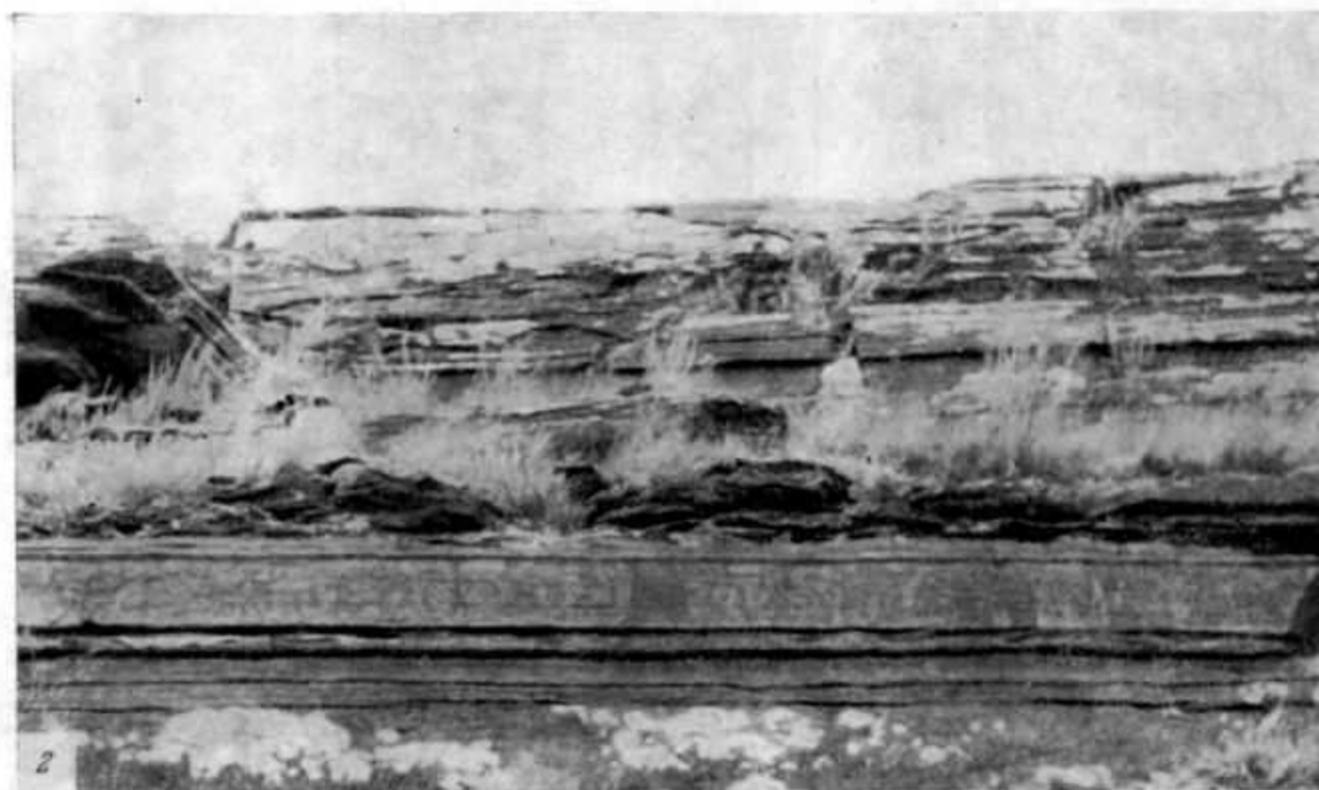
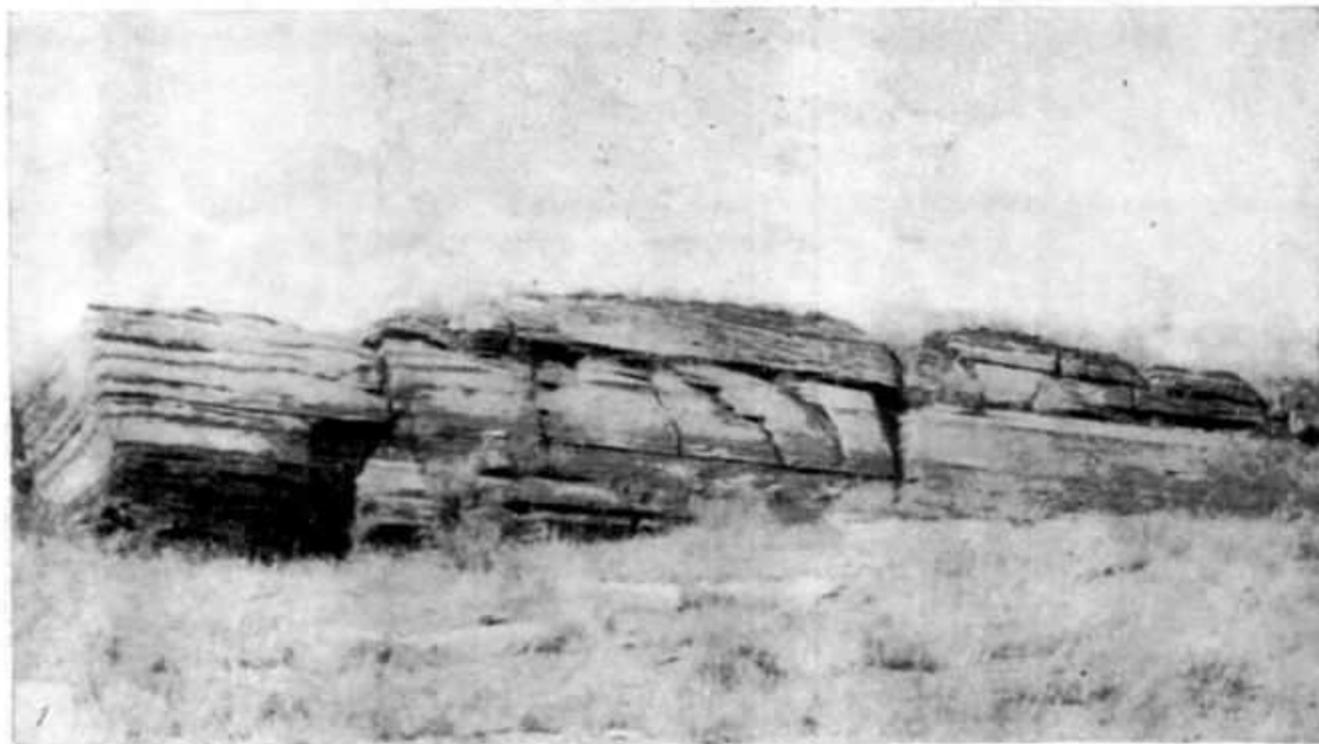
С магией плодородия, размножения и воспроизводства связаны, очевидно, схематические фаллические изображения людей и фигуры животных с подчеркнутыми признаками мужского пола. Характерно, что стада животных на рисунке направляются именно к посёлку, а не от него.

Между домами представлены бараны в «летающей» позе. Находки аналогичных изображений из бронзы, сменивших в конце I тысячелетия до н.э. традиционные скифо-сибирские бляхи в виде оленя в позе «летучего галопа», наводят на мысль, что это — эмблема родового предка-тоема. Косвенным доводом в пользу нашего предположения служит отсутствие свидетельств об одомашнивании архаров. Их изображения среди домов поселка мы не можем объяснить фактами первобытной действительности.

На связь с культом указывает рисунок фантастического животного, выбитый тонкой контурной линией в нижнем правом углу писаницы под группой схематических фигур (табл. XIX). Это верхняя часть туловища какого-то странного горбатого чудовища с передней лапой, намеченной обрывающейся линией, загнутым крючком хвостиком, маленькими ушами или рогами и полукрытой беззубой пастью. Первоначально мне показалось, что выбитая на скале линия случайно приняла очертания животного. Однако среди наскальных рисунков, опубликованных участниками финской археологической экспедиции 1887-1889 гг., удалось обнаружить изображение передней части туловища того же самого фантастического зверя, выбитое на камне ограды тагарского кургана. Рисунки очень схожи, разница лишь в том, что рога и уши, еле намеченные на первом изображении, на втором более отчетливы, кроме того, точкой обозначен глаз. Интересно отметить, что перед раскрытой беззубой пастью животного на втором рисунке показана фигура человека вверх ногами. Этнографы полагают, что в подобной позе изображались умершие. Таким образом, сходство, почти тождество двух изображений свидетельствует о сложившемся канонизированном образе мифического животного.

Боярские писаницы отражают сложные идеологические представления их безымянных творцов. Надо полагать, что межгорные долины Боярского хребта являлись центрами первобытных святилищ, посещавшихся во время сезонных праздников. Магические действия и церемонии у скальных фризоз с изображениями носили, вероятно, не индивидуальный, а коллективный характер. Не каждому участнику ритуала в отдельности, а всему родовому поселку ниспрашивались процветание и изобилие.

Итак, Большая Боярская писаница была создана с культовыми целями, однако это обстоятельство не лишает её изображения реалистического содержания как ценнейшего источника познания жизни давно исчезнувшего общества. Изображения писаницы отражают предметы и явления реальной жизни и проливают свет на вопросы хозяйства, идеологии и культуры древних обитателей Среднего Енисея.

ТАБЛИЦА

I

Большая Боярская писаница. Общий вид (1); Малая Боярская писаница. Общий вид (2)

TABLE

I

The Major Boyar pisanitsa. General view (1); The Minor Boyar pisanitsa. General view (2)

ТАБЛИЦА
III

Большая Боярская писаница
1 — правая часть; 2 — правая часть среднего яруса

TABLE
III

The Major Boyar pisanitsa
1 — the right-hand part; 2 — the right-hand part of the middle tier

ТАБЛИЦА

IV

Большая Боярская писаница

1, 2 — изображение домов

TABLE

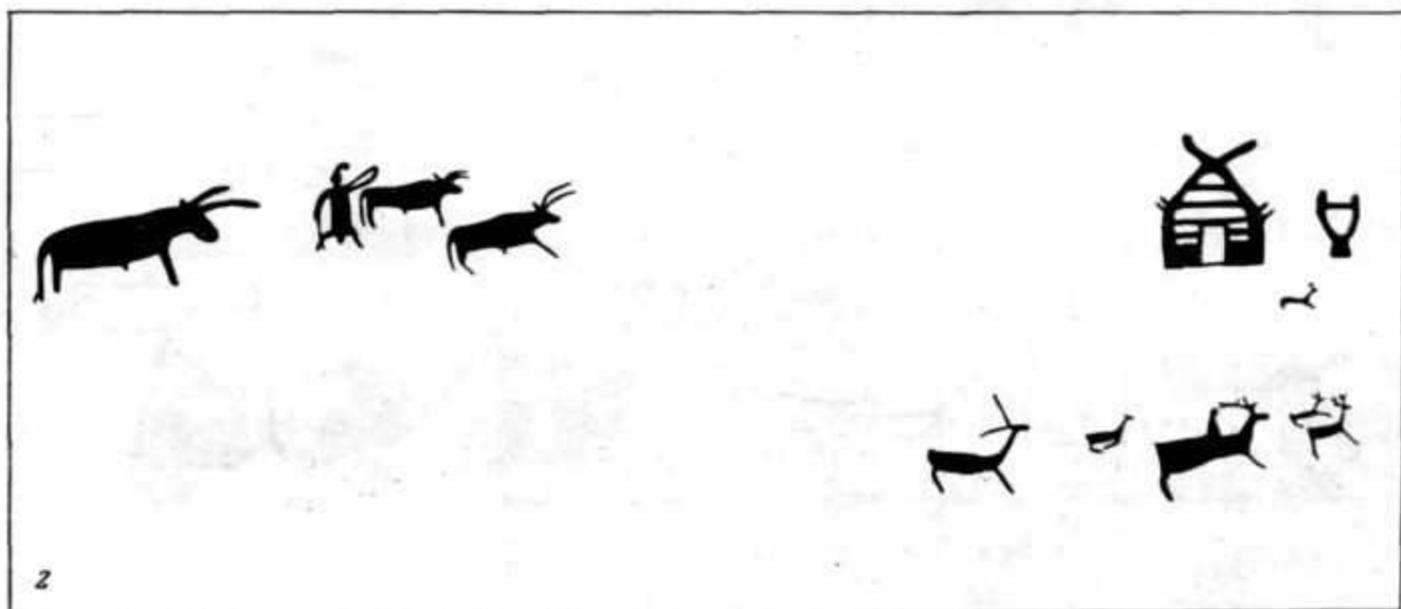
IV

The Major Boyar pisanitsa

1, 2 — drawings of houses

1

2

ТАБЛИЦА

V

Большая Боярская писаница
1 — прорисовка с эстампа; 2 — деталь

TABLE

V

The Major Boyar pisanitsa
1 — prints from engravings; 2 — a fragment

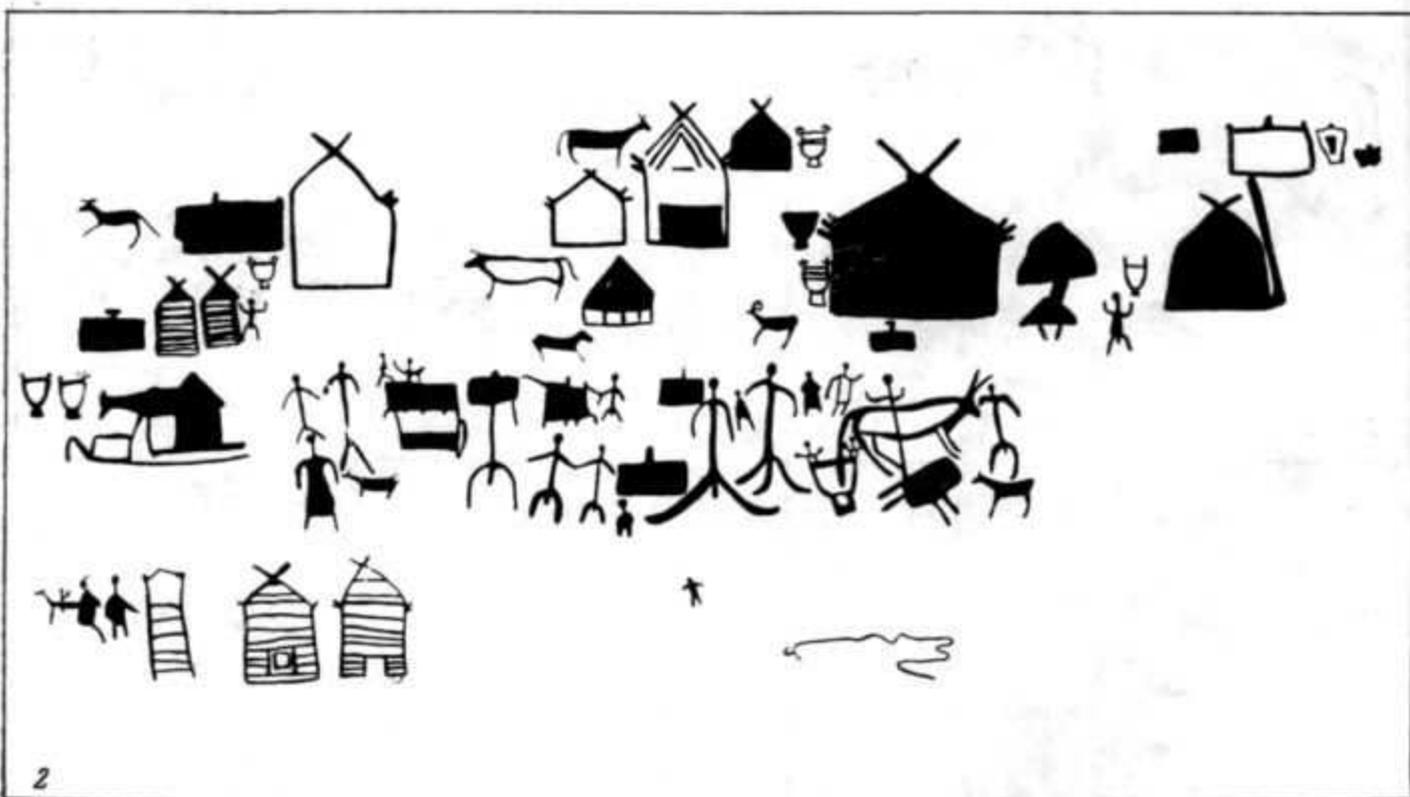
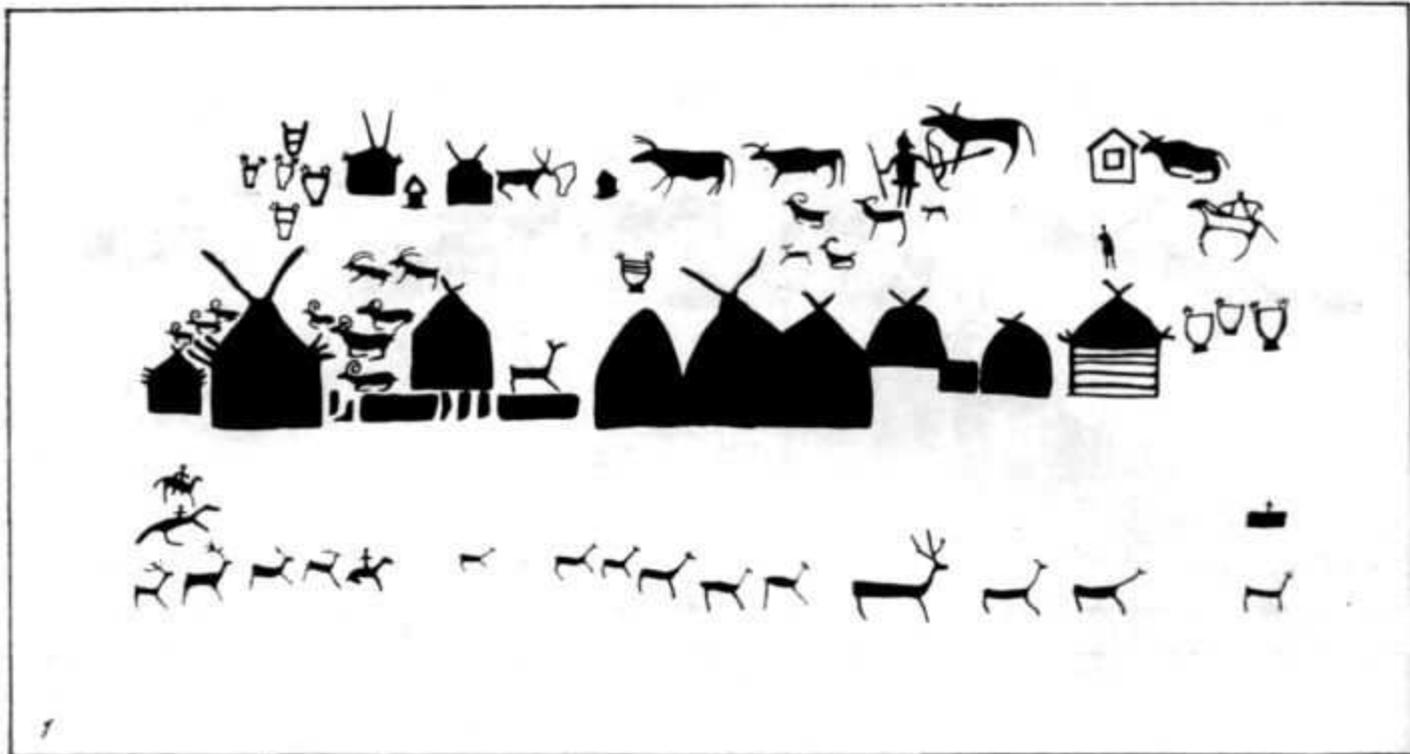

ТАБЛИЦА
VI

Большая Боярская писаница (1, 2)

TABLE
VI

The Major Boyar pisanitsa (1, 2)

ТАБЛИЦА
VII

Малая Боярская писаница (1-3)

TABLE
VII

The Minor Boyar pisanitsa (1-3)

ТАБЛИЦА
VIII

Малая Боярская писаница (1, 2)

TABLE
VIII

The Minor Boyar pisanitsa (1, 2)

ТАБЛИЦА

X

Малая Боярская писаница (1, 2)

TABLE

X

The Minor Boyar pisanitsa (1, 2)

ТАБЛИЦА
XI

Котлы сибирского типа

1—5 — рисунки на Большой Волянской писанице; 6 — керамический котел из Большого Тесинского кургана (раскопки И. Р. Аспеллина)

TABLE
XI

Coppers of the Siberian type

1—5 — drawings from the Major Boyar pisanitsa; 6 — a ceramic vessel from the Big Tesin tumulus (excavations by J. R. Aspelin)

ТАБЛИЦА
XII

Котлы сибирского типа

TABLE
XII

Coppers of the Siberian type

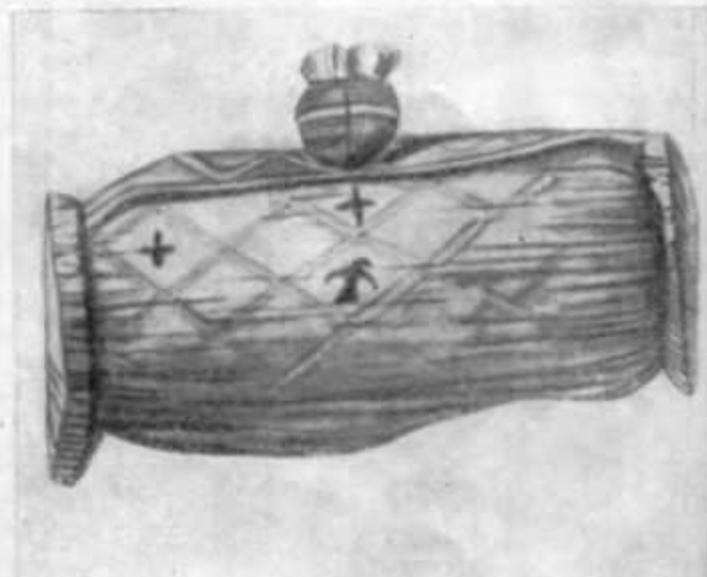
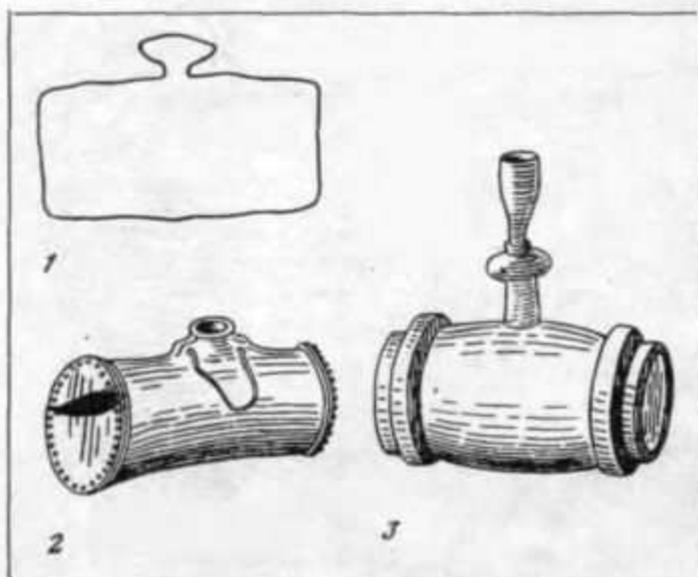

ТАБЛИЦА
XIII

Бочонки

1 — рисунок на Большой Болрской писанице; 2 — Оглахтинский могильник; 3 — хакасский бочонок XIX—XX вв.; 4 — Тува, могильник Кокель

TABLE
XIII

Small barrels

1 — a drawing from the Major Boyar pisanitsa; 2 — Oglakht burial place; 3 — a Khabass keg of the 19th — 20th centuries; 4 — Kokel burial place, Touva

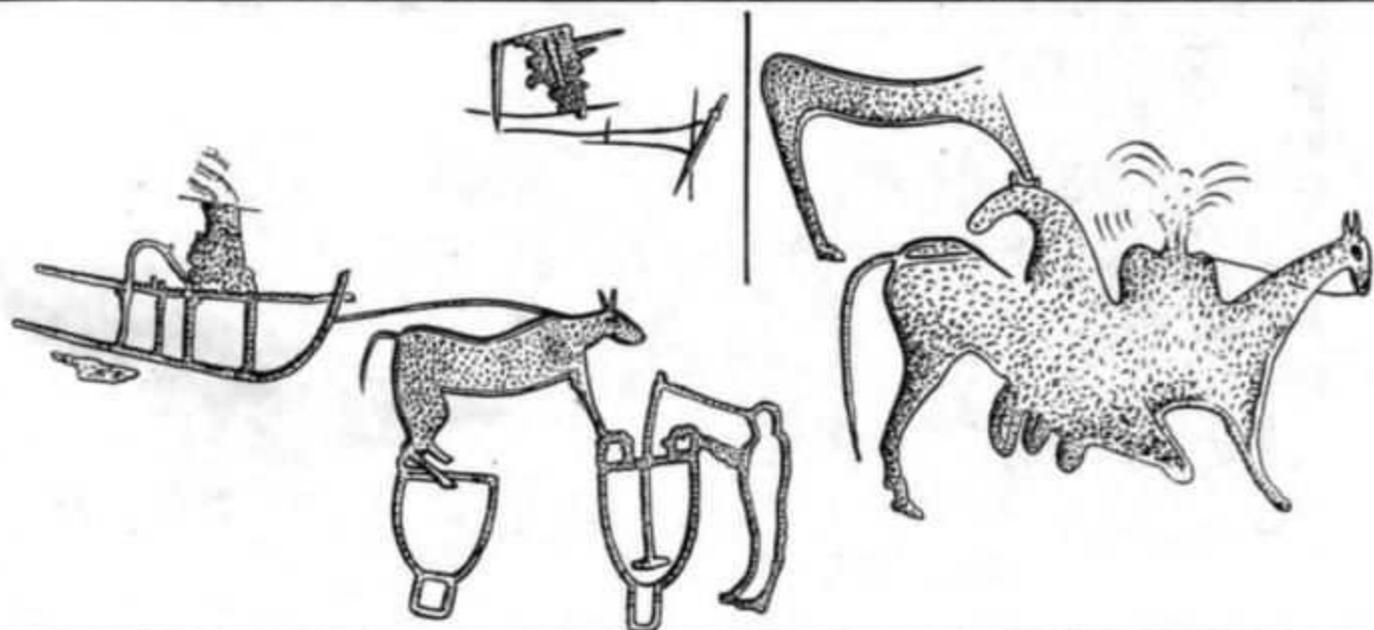
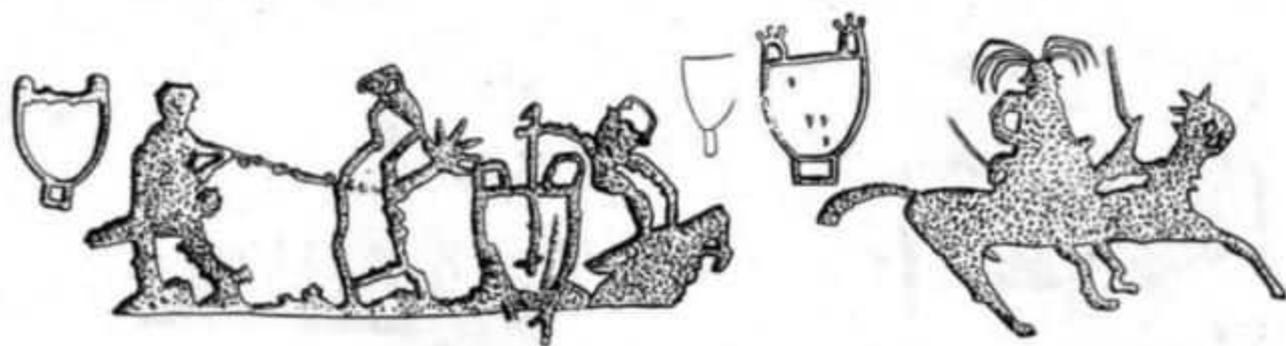
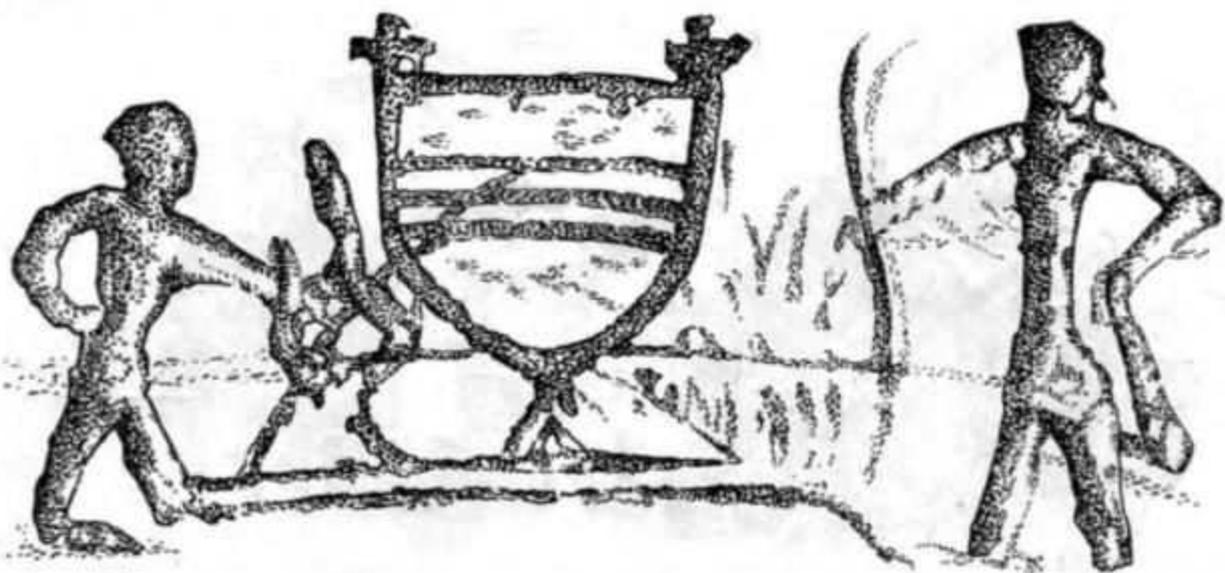

ТАБЛИЦА
XIV

Изображение котлов на наскальных
рисунках

TABLE
XIV

Rock engravings of coppers

ТАБЛИЦА
XVIII

Изображение людей

1—2— изображение на Большой Боярской писанице; 3— бронзовая фигурка

TABLE
XVIII

Drawings of people

1—2— drawings from the Major Boyar pisanitsa; 3— a bronze figurine

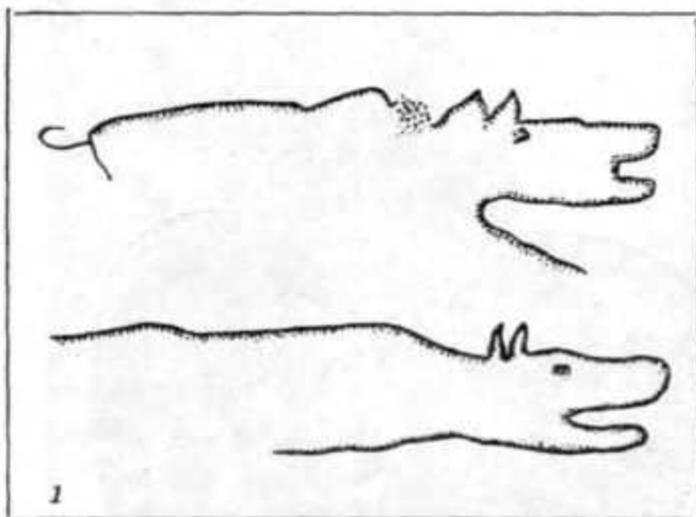

ТАБЛИЦА
XIX

Изображение фантастических зверей

1— Большая Боярская писаница и на камне ограды тагарского кургана; 2— «Саянская труба», Тува

TABLE
XIX

Drawings of the fantastic beasts

1— The Major Boyar pisanitsa and the drawing on the grave stone from a Tagar tumulus; 2— Sayan canyon, Touva

ТАБЛИЦА
XVI

Кожаные сосуды.
Тува, XIX—XX вв.

TABLE
XVI

Leathern vessels.
Touva, 19—20th centuries

ТАБЛИЦА
XVII

Кожаные сосуды.
Тува, XIX—XX вв.

TABLE
XVII

Leathern vessels.
Touva, 19—20th centuries

1

ТАБЛИЦА
XV

Изображение баранов

1 — Большая Боярская писаница; 2—4—
бронзовые бляхи из Ордоса

2

4

TABLE
XV

Ram drawings

1 — Major Boyar pisanitsa; 2—4— bronze
buckles from Ordos